

1

ТАБАК

Каждый семилетний ребенок заслуживает своего супергероя. Это факт. А кто не согласен, тому надо проверить голову.

Так считает бабушка Эльсы.

Эльсе семь, скоро восемь. Хотя семилетка из нее та еще — Эльса и сама это знает. Директор говорит, ей нужно «адаптироваться» и «выстраивать отношения со сверстниками». А мамыны подруги называют ее «слишком развитой для своего возраста». Что на самом деле значит «наглая соплячка». Так они говорят, стоит ей поправить их, где ставить ударение в слове «жалюзи» или объяснить, когда говорят «одевать», а когда «надевать». Что для них, как правило, слишком сложно. Тогда эти светлые головы улыбаются натянутыми улыбками и говорят ее родителям: «Умна не по годам». Как будто это дефект, как будто их оскорбляет сам факт, что она не такая придурочная, как полагается

в семь лет. Потому-то у Эльсы и нет друзей, кроме бабушки. У одноклассников все как положено по развитию: здравствуй, дерево. Но Эльса неправильная.

Да плюнь, говорит бабушка. Супергерои не такие, как все. Если бы суперспособности были нормой, обычных людей бы уже не осталось.

Бабушке семьдесят семь, скоро семьдесят восемь. И она тоже не соответствует своему возрасту. Бабушка уже старая, лицо у нее как мятая газета из мокрых ботинок, но никто не считает, что она для своего возраста слишком развита. «Бодрая старушка», так о ней отзываются те, кого она доводит до ручки. В ответ мама обещает возместить им нанесенный ущерб. А бабушка говорит, пусть эти идиоты пеняют на себя и где вообще людская солидарность, нечего было на ручник жать, видели ведь, человек параллельно паркуется на своем «рено». Бабушку бесит, что в больнице теперь и покурить спокойно нельзя, сразу срабатывает пожарная сигнализация. «Ваша политкорректность уже в печенках сидит!» — кричит она охранникам, когда те требуют затушить сигарету. Или взять хотя бы тот случай, когда бабушка слепила снеговика, одела его в настоящую одежду и подложила во двор, прямо под окна Бритт-Мари и Кента — как будто кто-то упал с крыши. А в другой раз было дело, по району ходили аккуратненькие такие люди в очках и звонили во все двери. Они хотели возвестить о Господе нашем Иисусе, а бабушка вышла на балкон в распахнутом халате и стала палить по ним из ружья для пейнтбола. Бритт-Мари тогда долго не могла решить, что ее больше взбесило — ружье или отсутствие какого бы то ни было белья под халатом, поэтому в

заявлении в полицию указала для верности оба обстоятельства.

Вот в таких случаях бабушку и называют «бодрой старушкой». Что в некотором смысле правда.

Люди считают, что бабушка совсем свихнулась. На самом деле бабушка — гений. Просто она немного с приветом. Вообще она раньше была врачом и получила много наград. Журналисты писали о ней статьи, бабушка ездила в горячие точки по всему миру, когда все остальные оттуда сбежали. А она спасала людям жизнь и боролась со злом на земле. Как настоящий супергерой. Но под конец кто-то сказал ей, что она уже слишком старая, чтобы спасать чужие жизни. Хотя, подозревает Эльса, этот кто-то имел в виду, что бабушка «слишком ку-ку». Так что теперь она больше не может быть врачом. Этого кого-то бабушка называет «обществом». Ох уж эта чертова политкорректность, из-за нее бабушке теперь не дают резать людей. А все потому, что эти идиоты запретили курить в операционной — ну кто, скажите, может работать в таких условиях?!

Поэтому теперь бабушка сидит дома и выносит мозг Бритт-Мари и маме. Бритт-Мари — это бабушкина соседка. А мама — это Эльсина мама. Вообще-то Бритт-Мари — это и мамина соседка тоже, потому что мама живет по соседству с бабушкой. Эльса тоже бабушкина соседка, ведь она живет вместе с мамой. Кроме, разумеется, каждых вторых выходных, когда она живет с папой и Лизеттой. И Джордж бабушкин сосед, ведь он мамин парень. В общем, все довольно непросто.

Но вернемся к сути дела: у бабушки есть две суперспособности — спасать чужие жизни и выносить

мозг. Можно сказать, что бабушка — это супергерой с дисфункцией. Что такое дисфункция, Эльса посмотрела в «Википедии». Бабушкины ровесники говорят, что «Википедия» — «это такая энциклопедия, но в интернете». А Эльса говорит про энциклопедию, что «это такая “Википедия”, но бумажная». Так вот, Эльса посмотрела про «дисфункцию» и там и там. Это когда все работает, но не совсем так, как положено. И за это Эльса любит бабушку больше всего.

Но только не сегодня. Сейчас два часа ночи и Эльса очень устала, ей хочется одного: лечь спать. Но тут-то было, ведь бабушка снова кидалась дерьмом в полицейского.

Все сложно. Почти как статус в Фейсбуке.

Эльса обвела взглядом маленькую прямоугольную комнату и зевнула так отчаянно, будто пыталась проглотить собственную голову, сомкнув челюсти на затылке.

— Говорила я тебе, не лезь через забор, — пробормотала она себе под нос и посмотрела на часы.

Бабушка не ответила. Эльса сняла шарф Гриффиндора и положила его на колени. Она родилась семь лет назад, на второй день после Рождества. Впрочем, скоро уже восемь. В тот день немецкие ученые зарегистрировали самое сильное электромагнитное излучение на земле. В электромагнитах Эльса, конечно, до конца не разобралась. Как она поняла, это что-то типа нейтронных звезд. А еще похоже на злобного Мегатрона из «Трансформеров». Некоторые непросвещенные люди, не читающие серьезную литературу, наивно полагают, что это детский сериал. На самом деле трансформеры — это роботы. Хотя с научной

точки зрения они настоящие супергерои. Эльса обожает трансформеров и нейтронные звезды, а «вспышка электромагнитного излучения» ассоциируется у нее с другой вспышкой, когда бабушка пролила фанту на ее айфон, а потом решила подсушить его в тостере. Бабушка считает, Эльса особенная потому, что родилась в такой день.

Быть особенной — лучший способ быть не такой, как все.

Бабушка разделила табак на небольшие кучки и завернула их в прямоугольнички из хрустящей папиросной бумаги. Эльса тяжело вздохнула.

— Ты что, не слышишь? Я же тебе говорила: не лезь-через-забор! — произнесла она с ударением на каждом слове.

Вообще-то Эльса не хотела расстраивать бабушку. Просто она страшно разозлилась. Так сильно разозлиться могут только очень уставшие семилетки в полицейском участке и мужчины среднего возраста, ждущие задержавшийся самолет, о котором нет никаких известий.

Бабушка ухмыльнулась, ища зажигалку в карманах своего большого, не по размеру, пальто. Похоже, она не воспринимала происходящее всерьез, потому что всерьез она вообще ничего не воспринимает. Кроме тех случаев, когда она хочет курить и не может найти зажигалку. Тут уж не до шуток. Курение — это святое.

— Боже мой, да разве это забор? Было бы о чем говорить, — беспечно возразила она.

— Ты не божеймойкай! Это не я кидалась дерьмом в полицейского, — напомнила Эльса.

Бабушка закатила глаза.

— Ну что ты долдонишь, прямо как мать твоя. У тебя нет зажигалки?

— Мне семь лет! — отрезала Эльса.

— И долго ты будешь этим прикрываться?

— До тех пор, пока мне не исполнится восемь!

Бабушка застонала, бормоча всякую чушь, вроде «ой-ой-ой, спросить уже ничего нельзя», и продолжила рыться в карманах.

— По-моему, здесь нельзя курить, — сообщила ей Эльса, уже немного успокоившись и ковыряя дыру в гриффиндорском шарфе.

Бабушка снова ухмыльнулась:

— Почему это? Просто надо открыть окно.

Эльса с сомнением посмотрела на окно.

— По-моему, эти окна не открываются.

— Что за чушь, это еще почему?

— На них решетка.

Бабушка недовольно перевела взгляд с окна на Эльсу.

— Вот времена настали, уже и в полицейских участках нельзя покурить. Мы живем в тоталитарном государстве!

Эльса снова зевнула.

— Можно твой телефон?

— Зачем?

— Залезть в интернет.

— А что там тебе?

— Да так.

— Ты слишком много времени тратишь на интернет.

— Не трачу, а провожу в интернете.

— Не придирайся к словам.

Эльса покачала головой.

— Тратят деньги, а не время. Ты же не говоришь: «Я провела две прекрасные сотни крон на эти новые брюки». Или говоришь?

— А ты слышала про одну девочку, которая была до того умная, что от большого ума померла?

— Я как раз слышала про ту, что жила долго и счастливо, — фыркнула Эльса.

В помещение вошел полицейский — судя по виду, запредельно усталый. Он сел по другую сторону стола, устремив на Эльсу и бабушку полный отчаяния взгляд.

— Я хочу позвонить моему адвокату! — заявила бабушка.

— Я хочу позвонить моей маме! — заявила Эльса.

— И все-таки сначала я позвоню адвокату! — настаивала бабушка.

Полицейский со вздохом достал стопку бумаг.

— Твоя мама уже едет сюда.

Бабушка стала задыхаться так картинно, как умеет только она.

— Зачем вы ей позвонили?! Вы в своем уме? Она будет злая как собака! — возмущалась она, будто полицейский предложил оставить Эльсу в лесу на воспитание диким волкам.

— Мы должны известить законного представителя ребенка, — спокойно объяснил полицейский.

— Я тоже законный представитель этого ребенка! Я ее бабушка! — Она даже привстала со стула, помахая дымящейся сигаретой.

— Время два часа ночи. Кто-то должен о ней позаботиться. — Полицейский кивнул на часы и хмуро покосился на сигарету.

— Я! Я о ней позабочусь! — выкрикнула бабушка. Полицейскому было трудно сохранять вежливое лицо, но он старался. И приглашающим жестом указал на комнату для допроса.

— Как вы представляете себе свое ближайшее будущее?

Бабушка обиженно поджала губы. И снова села, смущенно покашливая.

— Э-э... ну раз так... то... Конечно. Если начать цепляться к деталям, то дело труба. Но буду надеяться на лучшее. А ведь все так хорошо начиналось, пока вы не стали на меня нападать! — Бабушка оскорбилась до глубины души.

— Вы понимаете, что вы незаконно проникли на территорию зоопарка?

— Да там и забора-то почти не было! — возразила бабушка.

— Закон не знает никаких «почти».

Пожав плечами, бабушка смахнула что-то со стола, всем своим видом давая понять: вопрос закрыт и хватит уже об этом.

— У вас тут хоть покурить можно?

Полицейский энергично замотал головой. Бабушка подалась вперед и с улыбкой заглянула ему в глаза:

— А бывают исключения для симпатичных дам?

Эльса толкнула бабушку в бок, чтобы переключить ее на тайный язык, который знают только они. У всех приличных бабушек и внучек есть свой тайный язык, так и в конституции написано, говорит Эльсина бабушка. Ну или должно быть написано.

— Ба, прекрати! По закону ты не можешь приставать к полицейским! — одернула Эльса бабушку на тайном языке.

— Это кто сказал? — спросила на тайном языке бабушка.

— Полиция!

— Полиция существует для народа, я им налоги плачу! — огрызнулась бабушка.

Полицейский смотрел на них так, как смотрят на семилетнюю девочку и семидесятисемилетнюю бабушку, которые посреди ночи препираются в полицейском участке на тайном языке. Кокетливо подмигнув полицейскому, бабушка вопросительно кивнула на свою сигарету, но тот покачал головой. Тогда бабушка с важным видом откинулась на стуле и воскликнула на самом что ни на есть обычном языке:

— Ох уже эта ваша хваленая политкорректность! А сами устроили здесь апартеид для курильщиков!

Полицейский изменился в лице:

— Я бы на вашем месте выбирал слова.

Бабушка закатила глаза. Эльса внимательно посмотрела на нее:

— Как это пишется?

— Что? — Бабушка вздохнула, как вздыхает честный налогоплательщик, на которого ополчился весь мир.

— Апарта-что?

— А-п-п-о-р-т-е-и-д, — по буквам произнесла бабушка.

Разумеется, это слово пишется по-другому. Эльса убедилась в этом сразу, открыв «Википедию» в бабушкином телефоне. У бабушки серьезные проблемы с правописанием.

Полицейский листал свои бумаги.

— Сегодня мы вас отпустим. Но скоро вызовем снова в связи с незаконным проникновением и нарушением ПДД, — произнес он ледяным тоном.

— Как же достали эти андроиды, — простионала Эльса, тыкая пальцем в бабушкин телефон.

У бабушки андроид, потому что это старый телефон мамы. Сколько раз Эльса пыталась объяснить маме, что у всех нормальных людей — айфоны. С бабушкой все понятно, ей вообще телефон не нужен. Эльса еле уговорила ее взять мамин старый, потому что в умелых бабушкиных руках телефон Эльсы то и дело попадал в тостер и другие сложные обстоятельства. Тогда Эльсе приходилось пользоваться бабушкиным, хоть он и андроид.

— Какие еще нарушения ПДД? — удивилась бабушка.

— Для начала вспомним незаконное управление транспортным средством.

— Как это незаконное? Это моя машина! Мне что, разрешение нужно, чтобы водить собственный автомобиль?

— Нет, — терпеливо покачал головой полицейский. — Но вам нужны водительские права.

Бабушка всплеснула руками.

— Да здравствует общество тотального контроля!

В следующий миг помещение содрогнулось от грохота. Это Эльса швырнула об стол несчастный андроид.

— Что с тобой, деточка? — спросила бабушка.

— При чем тут апартеид?! Ты сравнила запрет на курение с апартеидом! А это разные вещи! Ничего общего.

Бабушка испуганно замахала руками.

— Слушай, ну я же... Я же сказала, примерно...

— Даже примерно у них ничего общего!

— Господи, да это была просто метафора...

— Дебильная метафора!

— Откуда ты знаешь?

— Из «Википедии»! — рявкнула Эльса, показывая на бабушкин телефон.

Бабушка повернулась к полицейскому:

— А ваши дети такое себе позволяют?

Полицейскому было явно не по себе:

— В нашей семье детям не разрешается... пользоваться интернетом без присмотра...

Бабушка всплеснула руками, словно говоря: «Вот видишь!» Но Эльса лишь покачала головой и с упрямым видом скрестила руки на груди.

— Просто извинись, что кидалась в него дерьмом, и он нас отпустит! — фыркнула Эльса на тайном языке. Она еще не отошла от истории с апартеидом.

— Прости, — сказала бабушка на тайном языке.

— Ему скажи, а не мне, балда! — ответила ей Эльса.

— Фашисты извинений не заслужили. Я плачу налоги. Это ты БАЛДА!

— Сама такая!

Они демонстративно повернулись друг к другу спиной, скрестив руки на груди. Затем бабушка обратилась к полицейскому на обычном языке:

— Будьте добры, передайте моей избалованной внучке, что при таком отношении она может шагать домой хоть сейчас.

— Пф-ф! Скажите ей, что я поеду домой вместе с мамой! Пусть сама отсюда шагает.

— Скажите ей, что я по... — начала было бабушка.

Тут полицейский молча встал и вышел из помещения, закрыв за собой дверь — без стука, но так, будто сейчас отойдет подальше, уткнется в подушку и заорет что есть мочи.